ПОЛИТИКА

ВЫБОРЫ-2008

ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА

Чем ближе выборы 2008 года, тем больше интереса к любимой теме российских политологов — к теме заговоров. Теория заговора — вещь удивительная и дающая обильную пищу для захватывающих сюжетов. Американцы сделали на этом материале бесконечный сериал "Секретных досье", X-files. А фильм с Мэлом Гибсоном с незамысловатым названием "Теория заговора" снял неплохой урожай, прокатившись с успехом по всем кинотеатрам мира.

Смысл теории заговора в том, что доказательств нет и не может быть. Отсутствие доказательств, по логике тех, кто верит в эту теорию, и есть самое главное доказательство. Хорош бы был тот заговор, о котором все знали и улики которого были бы повсюду разбросаны.

Все подлинные решения принимаются в тайне, уверены те, кто верит в эту теорию. И это дает обильную почву фантазии. Самое странное, что иногда эти конспирологические фантазии поразительным образом сбываются. Быть может, просто по теории вероятности, если молоть все подряд, то совершенно случайно можно сказать и правду— попасть в цель.

В разные времена разные заговоры имеют особую актуальность: когда-то транснациональные корпорации, когда-то— сатанисты, где-то— инопланетяне.

В современной России все более актуальной становится тема заговора против Путина и его преемника в 2008 г., и версии здесь рождаются самые разные.

Более всего популярна в народе идея о заговоре "пятой колонны". О заговоре атлантистов.

Структура мифа о руке Вашингтона такова.

В ходе холодной войны Запад сумел подготовить в СССР среди интеллигенции и некоторых представителей партийного руководства агентов влияния. Они-то и начали перестройку, а потом постепенно привели к ликвидации коммунизма и развалу СССР.

О заговоре этих зловещих агентов влияния говорил на закате СССР руководитель тогдашнего КГБ Крючков. Но, что удивительно, вскоре после этого он сам стал участником заговора ГКЧП против Горбачева. В этом неизменная логика теории заговора. Чтобы разоблачить заговор, подчас мнимый, люди создают свой заговор, подчас реальный.

"Пятая колонна" — ее координатором чаще всего называли покойного Александра Николаевича Яковлева (покровителя демократов и реформаторов) — разрушила СССР и привела к власти Бориса Ельцина. С этого момента атлантисты захватили власть в России и стали вести ее по курсу, разработанному в Вашингтоне, как и положено агентам влияния.

Они породили "семью" и олигархию, захватили управление в крупном бизнесе, через криминальную приватизацию народного хозяйства, в политике и в СМИ.

Но в конце 1990-х этот, практически полностью удавшийся заговор атлантистов, которому осталось только расчленить Россию, чтобы навсегда покончить с ней (что и происходило в Чечне), натолкнулся на непреодолимую преграду. Во главе государства оказался скромный человек практически без прошлого — Владимир Владимирович Путин. Как и положено в конспирологическом мифе, он был выходцем из спецслужб.

"Who is mister Putin?", недоумевали западные политики, не в силах расшифровать этот новый заговор, возникший в России ниоткуда. В ответ тишина. Законы жанра— ничего не попишешь. Конспирология.

И история России круто повернула свой курс. Атлантистские агенты влияния один за другим стали вылетать на обочину. Олигархи, медиамагнаты, проамериканские партии, приватизаторы и реформаторы, поклонники чеченского сепаратизма и ненавистники русской истории стали как-то незаметно один за другим куда-то исчезать.

Прошло 6 лет, и атлантистский заговор снова в подполье. А на верху — так и нерасшифрованный загадочный Путин. Явно со своей повесткой дня.

И вот близится 2008 год. Час Х для заговорщиков и для тех, кто со всей страстью следит за невидимой простому глазу напряженной борьбой.

Проблема в том, что это час Х и для самого Путина. Время его миссии или подходит к концу, или, наоборот, только начинается. Все зависит от того, какова эта миссия на самом деле? От того, кто он, все же, загадочный мистер Путин?

В любом случае, против него и его преемника или иной модели преемственности явно зреет заговор. Как иначе назвать действия беглых олигархов, опального премьера и шахматиста, всех обиженных и отстраненных от власти атлантистов, которые чувствовали себя в 1990-х так уютно, претворяя свой заговор в жизнь почти открыто и ничего не стесняясь. Они хотят "другой России", а точнее, все той же, ельцинской России, в которой атлантисты заказывали музыку.

Однако дело в том, что они вполне могут этого хотеть, а вот народные массы видят все наоборот. Им бы куда угодно, только не в 1990-е. Атлантизм в народе изжит и выброшен. Напротив, все патриотические начинания Путина подхвачены с жадностью и энтузиазмом.

Откровенно говоря, народ не просто согласился бы на то, чтобы Путин остался. Он категорически не согласился бы, чтобы тот ушел. Это даже не столько признание заслуг, сколько мольба о спасении. Люди очень боятся, что достигнутое враз обернется иллюзией и 1990-е вернутся.

Путин колеблется, не может решиться, сделать последний шаг к исполнению миссии, к которой он призван и для которой избран. Или нам просто так кажется, что не может... Кто знает, что у него в душе...

Но что же делать заговорщикам-атлантистам? Напрямую их кандидаты и их идеи в 2008 г. явно не пройдут. А значит, Путин может выбрать любую устраивающую его стратегию. Вот этого-то, по законам жанра, допустить нельзя.

И тогда внутри заговора атлантистов рождается еще один инструментальный заговор — заговор по активации карты крайнего русского национализма, на грани ксенофобии, расизма и нацизма.

Путин удерживает патриотические чувства в рамках идеи государства. А его жесткая политика в пространстве СНГ заставляет подозревать, что в тайне он не чужд и имперским воззрениям. Но такой патриотизм — геополитический, просвещенный и сдержанный — сам по себе и эффективен, и убедителен, и охотно поддерживается как русскими, так и другими народами, населяющими Россию и страны СНГ. Все хотят жить в мире в большой и свободной, независимой и гордой стране.

Вот этого-то как раз атлантистам, а также их хозяевам и не надо. Это им как кость в горле.

И вот сам собой напрашивается выход: раз атлантизм в чистом виде не проходит, а патриотизм, напротив, чрезвычайно популярен, то не выпустить ли на поверхность демона этнического национализма и ксенофобии? С призывами бить кавказцев, инородцев, иностранцев и всех, кого не попадя. Межэтнические проблемы, действительно, в стране назрели. С миграцией полная неразбериха, и на этом фоне организовать несколько проплаченных экстремистских действий, провокаций, поджогов, взрывов, нападений и погромов — и ситуация выйдет из-под контроля. А этнический фактор таков, что раз запустив его, отыграть назад крайне трудно.

Атлантизм, демократия и права человека, а также молитвословия Западу и США затрагивают лишь горстку городской интеллигенции, которая к тому же редеет день ото дня, даже на "Эхо Москвы" уже патриот на патриоте, куда же делись все пламенные борцы с диктатурой?

А вот националистические настроения растут. И так как власть ими всерьез не занимается, сосредоточив внимание на энергетике и геополитике, то почва для заговора националистов готовится сама собой.

От такого анализа до конкретных действий рукой подать. Да и США отнесутся к этому благосклонно. Они ведь уже имеют опыт использования националистических движений для свержения неугодных им режимов — так было с "Отпором" в Сербии, который помог сместить Милошевича, с "Кмарой" в Грузии, оранжевой "Порой" в Украине.

Крайний карикатурный экстремистский русский национализм, изображающий русский народ кровожадными дебилами, ксенофобами и расистами, на руку именно атлантистам. Это их заговор. С его помощью решается целый ряд проблем: окончательно замазывается образ России Путина, провоцируются сепаратистские настроения среди нерусских этносов в самой России, от России отторгаются страны СНГ, даже тяготеющие к Москве, в обществе происходит дестабилизация и управляемый, а может, и неуправляемый хаос.

Такой вот получается заговор. В центре — либеральные атлантисты, олигархи, те, кто мечтают о реванше за потерянную в конце 1990-х власть.

Вообще, этот заговор дает обильную пищу для исторических аналогий: от Баварских иллюминатов через "Великий Восток" к Бильдербергскому клубу, а от него — к Невзлину, Березовскому и Ходорковскому. Эта генеалогия может быть выстроена произвольно — у кого на что хватит конспирологической фантазии и знаний о тайных обществах и параллельной истории.

А в качестве инструмента этой авантюры — ограниченные националисты, которых легко навербовать среди растерянной и не очень думающей молодежи. Им в качестве мирового зла можно загрузить и таджикского ребенка, и африканского студента, и еврейского богомольца, и азербайджанского торговца. А если за это заплатить и подкинуть денег на идиотские расистские издания и знамена со стилизованными свастиками, то, считай, дело сделано. Заговор удался.

Самое интересное в этих версиях, что в современной России в условиях суверенной демократии все эти интриги невозможно проводить без какой-то тайной поддержки в верхах.

Вот-вот. Картина заговора усложняется и достигает своей драматической кульминации. В этом коварном плане тайного союза атлантистов-олигархов с русскими нацистами должна быть еще одна ключевая фигура. Эта фигура должна обеспечить националистам прикрытие сверху, объяснив кому надо, что все это "закономерная и вполне оправданная реакция патриотически ориентированной молодежи".

Какая интересная и захватывающая получилась история. Осталось найти в ней эту ключевую фигуру, и все станет на свои места. Кто он, этот тайный покровитель карикатурного и работающего на "пятую колонну" русского неонацизма?

Вопрос остается подвешенным в воздухе...

И все бы было ничего, если бы на карте не стояла судьба Отечества.

Александр ДУГИН.
Руководитель Центра геополитических экспертиз экспертно-консультативного совета по проблемам национальной безопасности при ГД РФ.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИДЕИ «ОГРАНИЧЕННОГО» СУВЕРЕНИТЕТА

(Окончание. Начало в № 178).

ЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА

Глобальные же перемены способствуют дальнейшему совершенствованию государства, все более подчиняя его интересам цивилизованного общества, озабоченного благополучием каждого своего члена. Отсюда мы вправе сказать, что в условиях глобализации не наблюдается тенденция к возникновению "сетевого государства" и тем более к его распаду. В новых условиях усиливаются сетевые связи между государствами и активизируются вызовы, адресованные государству и требующие от него более эффективного функционирования. Государство же без суверенитета на это не способно.

Несомненно, по мере развития общества и отдельной личности расширяются и углубляются представления человека о суверенитете, обнаруживая какие-то новые окраски. Но не меняется, подчеркнем еще раз, сама сущность суверенитета. Он либо есть, либо его нет. Если его качества претерпели коренные изменения, то это уже не суверенитет. В этом случае на смену суверенитету приходит нечто другое, которое должно иметь свое название. То же самое можно сказать о государстве. Если, например, признать, что у современного государства нет суверенитета, да и территория условна, то это уже не государство, а земля, на которой компактно проживает и перемещается население без понятия Родины, Отечества. Те, кто ведет подкоп под суверенитет, реализуют лишь задачу первого порядка, конечная цель которой — ослабление и развал государства в пользу сетевой кооперации.

В мифе о быстрейшем исчезновении государств заинтересованы те, кто уже давно пересмотрел человеческие ценности, архитектуру миропорядка и стремится построить как можно скорее собственное благополучие на развалинах других государств мировой цивилизации. Не случайно США к концу XX века открыто отказались от концепции "ограниченного суверенитета" и провозгласили себя лидерами, наделенными особыми правами. И правильно сделали: "ограниченный суверенитет" не работает в условиях глобализации, он ослабляет даже сильное государство.

ФАКТОРЫ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЕ НА СУВЕРЕНИТЕТ,

многообразны, сложны и системны. Фактически их можно назвать массированными носителями вызовов глобализации современным государствам. Их, этих вызовов, чрезмерно много. Подсчеты бессмысленны и не нужны, однако основополагающие из них вполне поддаются классификации на негативные и позитивные. Пользуясь случаем, надо сказать, что намеренно или случайно антиглобалисты строят свою идеологию, опираясь лишь на негативные свойства современного естественно-исторического этапа развития человечества.

Многими в этих условиях овладели растерянность, пессимизм, а другими — мания к мировому господству и агрессивность. Отсюда религиозный экстремизм, "десуверенизация" других государств и "экспорт демократии". Надо сказать, что Запад начал изучать глобализм еще в 1960-х годах. Поэтому на Западе, и в первую очередь в США, без преувеличения, осознали грандиозность и эпохальность процесса глобализации, с учетом этого выстроили свою циничную, но весьма прагматичную парадигму миропорядка в условиях глобализации, о которой более полное представление можно получить из книг У. Черчилля и З. Бжезинского. В одном из разделов данной парадигмы — "великой шахматной доски", т.е. нового миропорядка — отводится немало места демократии и суверенитету. Им придается особое значение. В книгах З. Бжезинского так и мелькают названия глав: "Демократический плацдарм", "Дилеммы гегемонистской демократии". Не отстают от него и другие известные авторы.

Рассматривая связь суверенитета с демократией, мы не станем анализировать бессчетное число ее определений и суждений о ней. Будем исходить из презумпции узнавания и признания читателем основных положений демократии, демократического режима. Одним из важнейших принципов демократии считается и равноправие, и гарантированная защищенность прав и свобод человека.

Уже говорилось о том, что западные демократии с наибольшим успехом использовали раньше и активно продолжают использовать права и свободы человека в политических интересах как мину замедленного действия против других государств. С их помощью в своих собственных меркантильных интересах ими подрывается целостность одних государств, уничтожаются другие, приводятся в покорность третьи. И достигается это довольно недемократическими методами. Об угрозе демократическим ценностям США говорят сами встревоженные американцы и их друзья. Они задаются вопросом: "...не затмевает ли ее (американская) гегемонистская роль, особенно после 11 сентября, внутренние демократические устои?.. Не приведет ли вполне понятная острая реакция США к пересмотру традиционного, очень тонкого баланса между индивидуальными свободами и национальной безопасностью?". Известный американский политолог М. Паренти прямо подчеркивает: "При всех строго секретных операциях, отмывании денег, торговле наркотиками и часто незаконном использовании жестокости "государство национальной безопасности недалеко ушло от организаторов преступности".

Безусловно, западные ученые и наши западники не выступают грубыми ниспровергателями государств, демократий и суверенитетов. Но почему-то неоспоримый факт изменения композиции миропорядка и трансформацию социально-политических систем в условиях глобализации воспринимают как заявку на крах государственного суверенитета и неизбежное появление мирового правительства во имя преодоления трагедии разделенного мира и т.д.

Все это синтезируется в теоретическую посылку о необходимости в условиях глобализации проводить активную "десуверенизацию" путем распространения демократии в интересах транснациональной солидарности. Кому какое место в этой демократической солидарности отводится — секрета не делается. Об этом мы узнаем из классификации государств мира сторонниками глобального лидерства США на развитые, догоняющие и обреченные на отставание. При всем моем критическом отношении к содержанию хорошо написанных трудов С.Г. Кара-Мурзы должен согласиться с ним, когда он пишет, что "говорить о причинно-следственной связи между рынком, демократией и правами человека стало просто неприлично после того, как мир пережил опыт фашизма. Ведь фашизм — порождение именно капитализма и присущего ему общества, в ином обществе он появиться не мог".

Предлагается, с одной стороны, отказаться от суверенитета как от рудиментарного остатка, нарушающего права человека и ограничивающего его свободы. В то же время мы видим, как страны НАТО увеличивают пределы действия своего суверенитета, во имя этого устраивают недемократический экспорт демократии в другие страны. Но следовало бы помнить, что во взаимосвязанном мире не могут быть государства с "диффузным" или "избыточным" суверенитетом. Безусловно, демократия и суверенитет — это взаимосвязанные понятия, поэтому недопустимо использование демократии в недемократическом нарушении суверенитета других государств.

Вопрос о взаимосвязи демократии и суверенитета мы рассмотрели лишь для того, чтобы показать теоретическую беспомощность и юридическую необоснованность использования демократии для покушения на суверенитет государства. И еще, видимо, неверно и научно несамодостаточно утверждение о том, что "есть государства, которым не нужен суверенитет, и они этого не скрывают". Вряд ли найдутся такие государства (даже Сан-Марино), которые стремились бы избавиться от суверенитета. В крайнем случае, в мировой практике де-юре такой факт неизвестен. Не следует забывать юридическую природу суверенитета. Другое дело, конечно, что есть государства, которые отстаивают свой суверенитет различными усилиями и способами. Не исключается в этих целях и использование помощи других государств, сообществ или международных и региональных организаций. Та политико-территориальная организация, для которой не характерен суверенитет, не есть государство. Понятие суверенитета меняет свой облик, но не сущность.

СУВЕРЕНИТЕТЫ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА И УНИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА

не отличаются в своей основе, но первый имеет более сложную историю и нелегкую перспективу. В условиях перестройки миропорядка с опасностью распада эпизодически сталкивается и Российская Федерация. И не без помощи определенных оппонентов, заинтересованных в "сплошной демократизации" нашей страны, завершение которой не исключает "неспровоцированный" отход отдельных наших территорий. О чем, если не об этом, говорят умозаключения автора "Великой шахматной доски": "Россия несет ответственность за крупнейшую в мире долю недвижимости. Эта доля охватывает 10 часовых поясов, и ее размеры в 2 раза превышают площадь США или Китая, перекрывая в этом отношении даже расширенную Европу. Следовательно, потеря территории не является главной проблемой для России". И делается вывод, что "... для России задачей первостепенной важности является модернизация собственного общества, а не тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы". Мы согласны с необходимостью модернизации нашего общества, поэтому в России и проводятся реформы, но отнюдь не для того, чтобы терять свои территории, а вместе с ними и государственный суверенитет.

Выше уже было сказано о внешней и внутренней составляющих содержания суверенитета. Для федеративного государства обеспечение их балансированного соотношения всегда было затруднительно. В условиях глобализации и особенно в результате активизации центробежных сил после распада СССР для Российской Федерации угроза вспышки цепной реакции распада до 2000 г. не была мифической. Тому подтверждение спровоцированный в 1990-х годах парад суверенитетов и президентов, трагические события в Чеченской Республике, Буденновске, Волгодонске, Беслане, Москве, последние события в российско-грузинских отношениях. Так что дискуссия вокруг суверенитета не случайна. Мы вполне осознаем, как отметил, завершая дискуссию, В.Д. Зорькин, что "...если мы будем отрицать государственный суверенитет как меру должного, как юридический принцип современного миропорядка, тогда судьбу России будут решать не в ней самой, а извне".

В вопросе о суверенитете сказывается, во-первых, отсутствие добротной концепции российского федерализма или хотя бы программы. Вместо этого мы видим какие-то ходы, порой в конституционном отношении непродуманные и даже сомнительные, дающие основание говорить о стремлении избавиться от национальных субъектов или "запрятать" их. Хотя, конечно, такую цель никто не преследует, но определенный повод для таких разговоров создан отказом от прозрачности и должного разъяснения принимаемых решений. Вот здесь демократия и должна была сработать. Во-вторых, положение усугубляется тем, что подбрасываются различные идеи о симметричной, асимметричной кооперативной федерации с делегированным и неделегированным суверенитетами. В связи с этим выскажемся в нескольких словах о суверенитете федеративного государства.

Суверенитет федеративного государства вообще ничем не отличается от унитарного ни по определению, ни по природе. В основном дискуссия возникает вокруг вопроса о том, делегируют или не делегируют субъекты часть своего суверенитета федерации. Если делегируют, то сколько и в каком измерении. Либо этот процесс идет в обратном порядке? Даже сейчас пишут: "Реальный суверенитет России существенно уменьшился к концу 1990-х гг.". Ну как здесь не спросить: на сколько тонн уменьшился? А если серьезно, то "уменьшился" не суверенитет, а ослабло в свое время конституционное отношение к нему!

Многие все же продолжают взвешивать суверенитет, раздумывая над весом отдаваемого суверенитета. Совершенно напрасная затея, ибо свой суверенитет государство, будучи его руководство в трезвом уме, дарить или "спускать" субъектам не будет. Если федеративное государство образуют несколько государств, то каждый из них уступает свой суверенитет возникающей федерации. Все эти суверенитеты сливаются в единый суверенитет федеративного государства. Территории-субъекты наделяются полномочиями, а государство, которое они создали, приобретает суверенитет.

На таком принципе возникли и развиваются фактически все федеративные государства (РФ, США, Бельгия, Бразилия, Мексика, ФРГ и др.). В Конституции РФ в ст. 4 прямо указано: "Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию". И это правильно, учитывая историко-политические уроки в развитии российской государственности. Статьи 71, 72, 73 на основе предметов ведения показывают, кто наделен суверенитетом, а кто вытекающими из него полномочиями.

Государство Соединенные Штаты Америки возникло на принципе одного суверенитета. "Согласно Конституции, — пишет американский профессор Р. Ремонд, — штаты отказались "от своего суверенитета в пользу федерального правительства".

Итак, на основе сказанного важно подчеркнуть, что в федеративном государстве субъекты суверенитетом не обладают и в этом не нуждаются, ибо вошли в единое суверенное государство, чтобы успешно решать задачи, связанные с достижением интересов экономического, культурного, социально-политического, правового развития и обеспечения достойной жизни людям. Так что провозглашенный более 10 лет назад Е.С. Строевым курс на развитие регионов во имя процветания всей нашей Федерации имеет историческую, юридическую и научную основу. Она вытекает из смысла и назначения федеративного государства, ибо суверенитет имеет прежде всего экономическую, политическую, юридическую, историческую и духовную предпосылку.

СУВЕРЕНИТЕТ ОКАЗАЛСЯ НА ГРЕБНЕ

потока вызовов глобализации не случайно. Экономические и политические интересы государств привели к необходимости более активной и адекватной реакции на массированные вызовы глобализации в интегрированных рыночных, информационных, энергетических, правовых пространствах. В такой жесткой конкуренции возникает соблазн устранить конкурента, разрушив различными способами (опыт, как знаем, имеется) отдельные государства. Суверенитет и является тем нервом государства, убрав который можно обрушить всю государственную конструкцию. Затем не составит особого труда превратить это государство в некую аморфную политическую ассоциацию "универсального сетевого государства" и открыть ее просторы транснациональным корпорациям (ТНК) и потоку сомнительного капитала.

Осмысление суверенитета в условиях глобализации позволяет также сказать, что речь идет не столько о "диффузии" суверенитета, сколько о коренных новых условиях, в которые поставлены государство и его суверенитет. Они потребовали обновления подходов к оценке угроз суверенитету и методического арсенала действий в его защиту. Например, практика "непризнания государственных границ" во взаимоотношениях транснациональных компаний (массового перемещения товаров, сырьевых и трудовых ресурсов, банковского капитала и т. д.) раньше считалась бы грубым нарушением суверенитета, сегодня же эти факты воспринимаются немного иначе. В ней, действительно, мало оснований для усмотрения нарушения суверенитета, если государство активно контролирует эти процессы и влияет на них, воздействуя на рыночные отношения правовыми, экономическими, финансовыми, судебными, административными и иными методами.

Определенное беспокойство представляют некоторые внутренние "патриотические" силы, отдельные амбициозные политики (о противниках суверенитета я здесь не говорю!), готовые превратить дискуссию вокруг суверенитета в некое политическое шоу, раздуть вокруг него некую "национальную идею" и избирательную перебранку. Ведь наряду с интересными высказываниями в процессе обмена мнением отдельные участники "круглого стола" так и демонстрировали политизированный пафос, заявляя, например, что неправительственные организации и гражданское общество все активнее замещают государство, "вопрос в том, сможет ли предмет наших дискуссий действительно стать национальной идеей и платформой для общественного консенсуса". Российское общество, насколько нам известно, уже почти переболело суверенитетами, и консенсус найден в пользу государственности.

Суверенитет государства слишком фундаментален, чтобы быть предметом мелких политических комбинаций. Если вы обратили внимание, например, ни в США, ни во Франции, ни в Японии, ни в других "примерных" западных странах в политических баталиях, тем более в избирательных кампаниях, не затрагивают суверенитет своей страны или иные фундаментальные ее ценности. Не следует этого делать и нам.

Что же касается попытки активизировать поиск национальной идеи с помощью суверенитета, то следовало бы помнить результат признания в качестве национальной идеи "призрака коммунизма", который "бродил по Европе" и не знал, куда себя девать. Надо работать на благо своей страны и помнить слова все того же У. Черчилля, который говорил: "Я сторонник целесообразных мер, продиктованных моментом. Я хотел бы видеть своих современников обеспеченными и более счастливыми... Но я ни за что не пожертвую счастьем моего поколения ради принципов, пусть самых благородных". Сказанное напоминает о том, что идеи, концепции должны служить людям. Никто не должен быть принесен в жертву призрачным идеям. Не следует спешить форсировать события провозглашением в популистских целях еще одной очередной "всемирного масштаба" российской идеи, недостаточно ведая о ее последствиях для судьбы народа и суверенитета своего государства.

Стержневые основы российской национальной идеи хорошо известны. Ими прежде всего являются благоразумие, признание общечеловеческих ценностей, любовь к близким, ко всем тем, с кем живешь и работаешь, верность своей Родине и гордость, что как гражданин можешь стать под ее флаг. Ничего пафосного тут нет. Так думают фактически во всех цивилизованных странах.

И самое главное — стержневым и продуктивным для каждого российского человека является понимание и принятие исторической обусловленности совместного развития народов различных национальностей и религий в демократической, суверенной и успешной Российской Федерации, ставшей уникальной цивилизацией в системе иных мировых государств-цивилизаций. И, думаю, условия глобализации, посылая вызовы с трудными ответами, не дают в XXI веке достаточных оснований прогнозировать ни их шок, ни их столкновение, ни их гибель, ни появление мирового правительства.

Не беру на себя смелость дать волю научному воображению по поводу постглобалистского их будущего в эпоху нанотехнологий и световых скоростей. Но уверен, что прогнозируемые перспективы человечества сориентированы не на "исчезновение цивилизаций" или государств, а на новый их цивилизационный прорыв, чья структурно-функциональная модель достигнет своего композиционного завершения лишь только с суверенными государствами!

Р. МАКУЕВ.
Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, академик Академии военных наук.